

— Дядя-наставник, что происходит? Неужели эти сухие ветки — Трава Сотни Увяданий?

— Твой учитель был помешан на боевых искусствах, как же он успел научить тебя разбираться в травах? — Цзинкон нахмурился.

— Он не учил. Просто у него была медицинская книга, я тайком заглядывал. — Цзи Лань опустил голову. — Должно быть, я сам догадался, что это она.

— Вот это совпадение — взял да и угадал именно Сотню Увяданий. — Цзинкон отнёсся к этому спокойно, лишь в шутку бросил реплику.

— Дядя-наставник, Трава Сотни Увяданий смертельно ядовита. Вы добавляете её в ванну седьмого принца... Неужели он не болен, а отравлен? Вы хотите лечить яд ядом?

— С чего ты взял, что я лечу ядом ядом? Разве не кажется тебе, что в Поднебесной не бывает таких совпадений? Как раз твой золотой цветок, мой золотой лист и принесённая мной Сотня Увяданий могут спасти седьмого принца. А если я пришёл, чтобы навредить ему?

— Дядя-наставник, умоляю, пощадите. Если дело обстоит так, жизни сотни членов моей семьи Цзи окажутся под угрозой. — С этими словами Цзи Лань опустился на колени.

— О чём ты хлопочешь? Ты прав — я лечу ядом ядом. Он отравлен «Опьянением Бессмертного». Этот яд для обычных людей безвреден, лишь в определённых условиях проникает в тело, поэтому его не обнаружить. Если не активировать, он может прожить ещё несколько лет и умереть без видимой причины. Седьмому принцу «повезло»: упал в ледяную воду, и яд активировался. Не лечить сейчас — умрёт мгновенно. Чего стоишь на коленях? Помогай быстрее, разве не хочешь спасти? — Цзинкон говорил, не прекращая размешивать снадобье для ванны.

— Дядя-наставник, что вообще происходит? Я слышал, яд «Опьянение Бессмертного» изобрели вы. Неужели... — Намёк Цзи Лана был более чем прозрачен.

— Ты ученик Ча Тяня, могу с тобой говорить прямо. Это он отравил седьмого принца. Но сделал это по чьему-то заказу. Это надо спрашивать у твоей тётки, не у меня. В общем, я в столицу приехал спасать, а не убивать. Работай проворнее, а то не успеем к сроку. Если хочешь последовать воле тётки — мешай мне сейчас, и седьмой принц максимум через несколько дней скончается. Умрёт сейчас — вряд ли кто заподозрит меня, монаха: все решат, что скончался от тяжёлой болезни. — Цзинкон говорил легко, но всё это время внимательно следил за реакцией Цзи Лана.

— Я — подданный Дунлина, а он — принц Дунлина. Как могу не спасти? Говорят: «Небо, Земля, Государь, Родители, Учитель». Даже если тётка желает его смерти, я, Цзи Лань, с детства впитал наставления деда: будучи слугой, как могу не спасти императорскую кровь? Тем более, когда он тонул, я уже спас его однажды. Раз уж спас тогда, как могу позволить ему умереть у меня на глазах теперь? — Цзи Лань поднялся, его голос звучал прямо и уверенно.

— Парень ты хороший. Выходит, Ча Тянь и вправду взял достойного ученика. Раз так — начинай толочь траву, я тут почти закончил. — Цзинкон махнул рукой, давая понять, что расспросы излишни. Вдвоём они управились и приготовили снадобье для ванны до наступления полуночи.

Спустя три дня Сяо Лян наконец покинул ванну. После нескольких дней иглоукалывания он почувствовал, что тело стало гораздо легче. Великий мастер Цзинкон сказал, что если

продолжить лечение и восстановление, вскоре он станет как обычный человек, и от этой мысли на душе потеплело.

Великий мастер Цзинкон, как обычно, пришёл в Павильон Спящего Феникса делать ему иглоукалывание, как вдруг снаружи доложили: «Наложница Чэнь прибыла».

Наложница Чэнь была матерью шестого принца Сяо Юньсяна и приёмной матерью второго принца Сяо Чэна, нынешней хозяйкой внутренних дворцов. Хотя её и не возвели в императрицы, она обладала всей полнотой власти. За ней следовали Сяо Чэн и Сяо Юньсян, переступившие порог переднего зала. Позади вереницей шли служанки, неся всевозможные тонизирующие снадобья, овощи и фрукты.

— Сяо Ци, я в последние дни сама нездорова была, не могла навестить. Принесла тебе отменные лекарственные средства да фрукты-овощи с Южных земель — обязательно попробуй.

Сяо Лян поспешил, опираясь на слугу Сюя, подняться для приветствия, но в этот миг уловил крайне тихий голос мастера Цзинкона: «Ни в коем случае не ешь то, что она дарит».

Облачённая в роскошный лёгкий газ, наложница Чэнь восседала на мягком ложе. Взгляд её, даже когда она улыбалась, источал незримую властность, отчего Сяо Лян почувствовал необъяснимую дрожь.

— Благодарю ваше высочество, Сяо Ци... — Сяо Лян колебался, как бы отказаться от этих фруктов, как вдруг заметил, что сидящий рядом Сяо Юньсян пристально смотрит на него, словно хочет что-то сказать.

— Что такое? Эти фрукты-овощи я специально велела доставить, чтобы ты свежего попробовал. Лянеру разве не по нраву? — Наложница Чэнь говорила с улыбкой.

— Дар вашего высочества, Лянер, разумеется, с благодарностью принимает. Просто сейчас в желудке тошно, боюсь, съем — и погублю вашу милость. Потому думаю отложить до завтра. — Сяо Лян сидел смиренно, а по спине у него струился холодный пот.

Эти фрукты с виду были самыми обычными, только покрупнее стандартных, да источали необычный аромат — вдыхаешь, и дух проясняется. Если бы не предостережение великого мастера Цзинкона, Сяо Лян, наверное, и впрямь взял бы да попробовал.

В тот миг, когда двое замерли в немом противостоянии, вдруг поднялся шестой принц Сяо Юньсян. Медленно подойдя к Сяо Ляну, он потянул его за рукав и наконец выдавил: «Сяо... Сяо Ци, Сяо Ци». Эти слова привели всех в изумление и радость.

В своё время наложница Чэнь носила двойню, но на восьмом месяце беременности ей ночью приснился кошмар, от испуга случились преждевременные роды. После появления на свет Сяо Юньсяна второй ребёнок оказался мёртвым. Сяо Юньсян, хоть и был на год старше Сяо Ляна, из-за недоношенности с детства был тщедушен, выглядел почти ровесником. С малых лет характер у него был замкнутый, говорить не любил — даже если ему сто слов скажут, он не отзовется, с матерью-наложницей тоже редко беседовал.

В этот раз, когда наложница Чэнь собралась навестить Сяо Ляна, он вцепился в материнскую руку и не отпускал. Та, не в силах справиться, взяла его с собой. Из семи принцев лишь Сяо Лян изредка мог перекинуться с Сяо Юньсяном парой слов. После того как Сяо Лян заболел, Сяо Юньсян почти совсем перестал говорить.

Сяо Юньсян с детства косноязычен, особенно когда волнуется — голос сам собой запинается. Сяо Лян, видя это, понял, что тот беспокоится о нём, взял его за руку, улыбнулся и сказал:

— Шестой брат, я ничего. Великий мастер Цзинкон говорит, скоро поправлюсь.

Сяо Лян хотел было утешить его ещё, как вдруг Сяо Юньсян схватил со стола виноград и принялся есть. Это привело всех в смятение. Увидев это, наложница Чэнь встревожилась и сказала:

— Юньсян, это фрукты для седьмого брата. Если хочешь, во Дворце Вэйян их полно. Что ж ты дома не ешь, а пришёл с братом делиться? Немедленно увести шестого принца.

Цзинюэ, личная служанка наложницы, поспешила подойти, взять Сяо Юньсяна за руку и увести. Тот не сопротивлялся, только, уходя, не забыл бросить: «Шестой брат... хорош...». Другие не поняли, но Сяо Лян знал — тот беспокоится о его здоровье и наказывает хорошо лечиться.

Он сложил руки в приветственном жесте и сказал Сяо Юньсяну:

— Шестой брат, не волнуйся. Как только поправлюсь — сразу к тебе приду.

В душе он сильно встревожился, но подумал: если с фруктами что не так, наложница, наверное, знает противоядие — вредить собственному сыну она не станет.

Увидев, что сына увели, наложница Чэнь сказала:

— Юньсян и впрямь — из всех братьев только тебя одного любит. Может, потому что ты единственный, кто его братом зовёт. Уже спать собирался, а услышал, что я к тебе иду, — и настоял, чтобы с ним шли.

Сяо Лян только собрался заговорить, как его сковал непрерывный кашель. Присутствующие поспешили усадить его поудобнее.

Увидев это, наложница Чэнь сказала:

— Дитя, до чего же ты хрупок. Надеюсь, на этот раз великий мастер Цзинкон совершит чудо, и ты станешь таким же крепким, как твой третий брат. Раз есть не можешь — к утру эти фрукты уже не первой свежести будут. Так что лучше раздать всем присутствующим — пусть будет им награда за дни и ночи у твоего изголовья.

С этими словами наложница Чэнь велела раздать фрукты Сяо Юньсяну, Цзи Ланю, Цзинкону и всем служанкам. Затем она провела время за чашкой чая, после чего поднялась, попрощалась и особо наказала Сяо Ляну беречь здоровье.

Едва она удалилась, Цзи Лань велел отвести Сяо Ляна отдыхать, а сам обернулся к Цзинкону:

— Дядя-наставник, что она задумала?

— Когда она вошла, от неё исходил необычный аромат. Я сначала подумал, что это запах фруктов. Небесные расчёты людским не чета — оказалось, она пропитала фрукты тем снадобьем. От фруктов исходит необычный аромат, для обычных людей безвредный. Но для седьмого принца с его ядом... это очень плохо. — Великий мастер Цзинкон вздохнул.

— Чем именно плохо? — продолжил расспрашивать Цзи Лань.

<http://bllate.org/book/15946/1425473>